

The background of the page is a misty, blue-toned landscape. In the foreground on the left, there are dark, silhouetted pine trees. In the middle ground, a calm lake reflects the surrounding trees and the hazy sky. The overall atmosphere is serene and quiet.

Лана Петровских

Тончая

Лана Петровских Гончая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466232

ISBN 9785449392381

Аннотация

...Когда твое предназначение запрятано в прошлом, которое ты не в силах принять, когда твое будущее зависит от прошлого, и ты, проклиная судьбу, ползешь в потемках, где твоя измученная память не даёт забыть внезапную боль потери – что тебе остается делать, если распутье, как распутье! Каков твой выбор?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Гончая

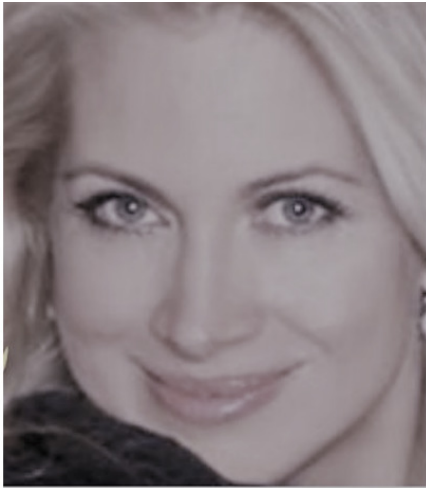
Лана Петровских

*Любовь существует в бесконечности,
любовь – это свет Солнца, без которого
невозможна Жизнь.*

© Лана Петровских, 2018

ISBN 978-5-4493-9238-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**По образованию и призванию
семейный психолог, сценарист. Автор серии
рассказов о любви: «Равняется Любовь»,
«Девичий роман», «Любовный детектив»,
«Затеряться в любви», «Часов не наблюдают»,
«Пятна Роршаха»**

...Когда твое предназначение запрятано в *прошлом*, которое ты не в силах принять, когда твое будущее зависит от *прошлого*, и ты, проклиная судьбу, ползешь в потемках, где твоя измученная память не даёт забыть внезапную боль потери – что тебе остается делать, если распутье, как распутье! Каков твой выбор?

**Эта книга именно для вас!
Переживания! Что может быть лучше?!**

КНИГА ПЕРВАЯ

*«Если вы не откажетесь
от навязчивой идеи,
то сможете добиться
исполнения своего желания,
но потом оно уничтожит вас».*

...

Поезд мчался, будто накачанный адреналином. Мелкие капли дождя наискосок скользили по стеклу.

Не замечая пробегающих пейзажей, моя сосредоточенность на собственном отражении занимала все мои мысли. Что теперь ждёт меня?

Когда память не даёт забыть внезапную боль потери, вспыхивая ночными кошмарами, путая сознание, когда твердит, что написанное и завещанное должно исполниться, что ты – не такая, как все. Отмахиваясь от редкого дара, ты навлекаешь на себя боль потери...

Остановись! Перестань бежать от себя! В твоих руках – сила, в твоих устах – вера, в твоём сознании – мощь спасительной энергии. Она уже рвётся наружу, освободи её, и ты обретёшь счастье и умиротворение...

Возврати душу, и тебе будет подвластно исцелить тысячи страждущих.

Но, зная пророчества бабушки, я запрещала думать себе о возможности невозможного.

Моё неверие, мой страх и первый мой отказ в помощи ближнему привели к первой потере – любя его всем сердцем, я не смогла простить измену. Невинное платье невесты облили грязью унижения... Он предал, пожелав другую. Мой ночной кошмар был первым в череде событий искажающегося сознания.

Когда я не смогла помочь следующему в очереди ожида-

ния, испугавшись вновь, не веря в свои силы, то у меня отняли самое дорогое – маму, растерзав её доброе сердце внезапным ударом приступа.

Я стала бессильной от дикой боли, скопившейся во мне. В нервном потрясении, теряя контакт с миром, когда концентрация злобы жаждет отмщения, спасением оказалось забытой богом таёжное озеро, где долгие месяцы что-то внутри меня боролось за моё воскрешение.

Боль трансформировалась в умение скорой реанимации сердец, чужих сердец на грани осязания...

Но кто опустошил сердце мамы? Я точно знала – её убила злоба другого человека.

Теперь я верила в свои силы, чтобы найти его...

Глава 1

Город. Родной город.

Отпустив мысли без контроля, я брела по лабиринтам улиц, зная, что подсознание приведёт меня туда, где я необходима.

Арбат. Улица, наполненная прохожими, запахами, мыслями, сомнениями, глупостями, смехом, суетой – всем, что могло помешать, но не мне. Удивлённая стойкости своей концентрации, я улыбнулась, и тут же была пронзена резким толчком. Стоп!

Вибрация нарастала – да, это здесь.

Девушка вышла из красивой машины, рассеянно и неторопливо поправила складку на платье – пространство вокруг неё мгновенно оцетинилось... Я знала, что через несколько секунд она рухнет на асфальт. Её спутник в сопровождении пары гранадёров обходил машину спереди.

Я рванула через прохожих, удерживая её взглядом, я знала, что успею, я знала, что опережу на несколько мгновений всплеск вялых рук при внезапном падении.

Поймав голову девушки в двадцати сантиметрах от выбитого асфальта, я подставила своё тело под её падение. Через секунду пространство завертелось с привычной скоростью, но она уже лежала на моих коленях, закрывая глаза от внутреннего удара – остановка сердца.

Оголённое восприятие, пронизывая меня током от резких видений, научило притормаживать пространственное время – слоу-моушен, подвластное технике, прокручивало мои зрительные образы с нужной для понимания скоростью.

Люди, загруженные мнимыми процессами, реагировали постепенно на изменение вокруг. Я успела через тонкую ткань её платья почувствовать тёплую поверхность кожи, а глубже – застывший мышечный импульс. Не умея многого, я знала, что ощущения подскажут, визуализация подтолкнёт, моё воздействие не промахнётся... вот только её бойфренд с охранниками подходил слишком стремительно...

Я не умею ставить непроницаемый блок и мгновенно вводить в гипнотическое состояние. Но могу попытаться остановить словами, и я начала:

– Она в машине сказала вам «нет»! Но это не ответ на поставленный вопрос – она сказала «нет», думая, что произносит слово про себя. Её «нет» – это страх приступа, который возвращался второй раз в её жизнь. Первый раз толчок

в сердце был, когда она встретила вас год назад, буквально влюбившись с лёту... Толчок – мгновенный, болезненный, пугающий, но не смертельный.

(Чтобы ошарашить, ввести в состояние недолгого ступора, надо в первых фразах рассказать самое интимное...)

– Через десять секунд она очнётся, если вы останетесь на месте! Считайте со мной! Раз... два... три...

Я начала громкий отсчёт, призывая его вторить... если он подчинится, мы победили... она сможет жить!

Мужское трио дружно басило – восемь, девять, десять... Пауза застряла в эфире... Ну же! Её грудная клетка пружинисто содрогнулась, глубокий вздох... Всё! Я успела... спасибо, милая...

– Как её зовут? – я чувствовала онемевшие колени под её телом.

– Соня...

– Спасибо, Соня, – прошептала я. – Теперь вызывайте скорую... Она будет жить дальше...

Обычно в глазах близких читается испуг с признаками недоверия, переходящий в тихий ужас от медленного осо-

знания возможной катастрофы...

...Её переложили на носилки...

Странно это, умея на грани инстинкта поймать чужую ускользающую жизнь, я мучилась с коленями. Деревянные, непослушные мышцы щипались, кололись, с трудом восставливая протоки. До смешного я не могла унять собственную дрожь...

Он кричал в толпу, не видя меня, звал меня, просил вернуться... но я больше не нужна им, они справятся без меня... Глоток горячего капучино...

Глава 2

От прошлого остался только бабушкин дневник – тот ключ ко всем моим вопросам, к успокоению всех моих страхов.

Приоткрытая подъездная дверь, как крохотный упрёк моему долгому отсутствию.

«Я ждала тебя, – шептала дверь, – сначала широко распахнувшись, и только *позднее позже* моё ожидание приглушилось временем, оставляя щелочную надежду на твоё возвращение». И я проскочила в эту щель с легким толчком в солнечное сплетение – там у меня обитает совесть.

Время не властно над звуками, запахами и мыслями, которые возвращают нас в то, чего мы не хотим забывать.

Мой дом... покинутый, незабытый, приходящий в снах мучительным отголоском моего прошлого. Когда ключ вторгся в замочную скважину и, сделав оборот, ещё один оборот, застыл, я вздрогнула... Всего-навсего осталось толкнуть дверь, но это движение требовало смелости...

Перестань! Ты готова вернуться, что за ерунда? Ты теперь – другая, нет старых страхов... Вперёд!

Но... как мы ошибаемся... Мы стали другими? Нет, страхи по-прежнему прячутся в нас, ожидая крохотную возможность... Наше полусомнение, и лазейка открыта.

Быть может, я опрометчива? Я прислушалась, ища не звуков и шорохов, а ответ изнутри...

Мой взгляд замер на картине знакомого с детства живописца – туманная вода напоминала моё далекое сейчас озеро, принявшее меня после череды потерь. Окаймляющий лес манил вернуться в тихий домик на берегу...

Нет! Я отмахнулась от видения...

Пролистывая пространство своего поиска, я никак не могла отыскать теплое или пульсирующее место нахождения бабушкиного дневника.

При жизни она постоянно оставляла дневник на видном месте, надеясь на моё любопытство. Пару раз ей это удавалось...

Но возникающая вибрация, мутность в глазах и склеенность моего внезапно пересохшего рта – пугали меня. Я захлопывала страницы, крепко сжимая их, чувствуя лёгкий ожог в ладонях и распираение, будто кто-то изнутри пытался распахнуть дневник снова.

Навсегда потеряв маму, я не искала компенсацию возникшему вакууму прощением Романа. Его предательство дало начало моей трансформации. Фактически мои переживания перевернули моё внутреннее «я», наполняя душу иной начинкой.

Я всегда умела не заикливаться, а теперь движение вперёд особенно было необходимо. Не будучи транжирой, если только не считать эмоциональную сторону, я могла рассчитывать на «парулетнее ничегонедельвание», но поиск работы, скорее, был шагом вынужденным, чтобы не сидеть в четырех стенах.

Новая симка и мой звонок искренней подруге.

Мы сидели в кафе её офиса, одинаково прослезившись после долгих объятий.

Когда концентрация мысли достигает наивысшей точки, настроенный на тебя собеседник озвучивает её сам:

– Надо подумать о твоём трудоустройстве.

Наташка намотала спиральку кудряшки на указательный палец, и, протестировав мои разложенные по порядку знания в юриспруденции, заключила:

– Ты отлично подготовлена, будто после защиты диплома

активно практиковала... Не ожидала! И ты облегчила мне задачу. Тогда к нам в фирму и пойдешь.

Я вливалась в поток столичной жизни.

Утро началось с головокружения, внезапная слабость, торнадо в области живота вывернуло мой неплотный завтрак в унитаз. Я настороженно прислушивалась к себе.

Зачем организм задерживает меня дома? Обычно ответ приходил незамедлительно. Сейчас – тишина. Первый рабочий день начинался с опоздания. Я физически не могла покинуть ванное заточение – от гортани и ниже странные звуки, напоминающие далекий недовольный рык медведя. Что за Тедди поселился у меня внутри?

Через час соматика отпустила меня.

Моего опоздания никто не заметил ввиду оцепления офиса в связи с убийством управляющего.

«Моё тело в стоворе (?) с убийцами, раз не выпускало меня из дома... Я могла помешать их вторжению? Ведь убийство произошло точно в срок моего предполагаемого прихода на работу (на час раньше остальных сотрудников). Что происходит?»

Я бродила вдоль парадного входа.

– Янка! Как хорошо, что мы не там, – встревоженный голос Наташи выплыл из-за колонны подъезда.

Рядом с ней импозантного вида мужчина – правильные черты, ухоженность, нарочитый лоск, самодостаточность и возбуждающая уверенность с классической осанкой балльных танцев. В его взгляде на последней секунде изучения моей персоны появилась заинтересованность. Что ж, давайте знакомиться, Ульрих – прозвище чуть не слетело у меня с языка – что-то немецко-рижское, хотя его представили, как Антона.

...

Вновь я встретила Ульриха спустя четыре дня при весьма странном моменте, если не сказать комичном – он подал мороженое, прячась за палаткой. Даже, скорее, пожирал, хищно заглатывая большие куски. Он не видел моего наблюдающего взгляда.

Поспешно опрокинув ванильно-пломбирную сладость в себя, он странной манерой вытер рот тыльной стороной ладони. Жест совершенно не вписывался в образ Ульриха. Он закашлялся на мгновение от пронзающего холода в пищеводе и, улыбнувшись одними глазами лично для себя, вышел из укрытия.

Я не стала окликать его, а пошла за ним на почтительном расстоянии. Какая у него красивая осанка! Летящая походка среди топчущейся массы.

Чего я к нему прицепилась? Он был голоден, в доступности оказалось мороженое – калорийное, вкусное и быстро

съедаемое.

Но я часто стала задавать себе вопросы – «зачем и почему». Зачем я оказалась здесь, чтобы увидеть, как он ест? Тайно, быстро, с такой скоростью не ощутить прелесть восприятия, и будто из другой жизни. Он ел не как Ульрих – успешный адвокат, с лёгкостью заказывающий себе завтрак на 100 евро, с дорогими манерами и перспективами. Он ел, как волчонок, озираясь украдкой по сторонам, пряча взгляд.

В начале недели я не могла утром справиться с медведем внутри собственного живота, а в конце недели я увидела внутреннего волчонка в облинии успешного Ульриха.

Может, мне в зоопарк сходить? Сознание требует прикосновения к природе, трансформируя мои наблюдения в животные образы?

Нет, в зоо я не пойду.

Преследуя Ульриха, я застряла на перекрёстке, когда он плавно проскользнул в стеклянные двери. «Министерство путей сообщения».

Смысла ждать я не видела, потому повернула назад.

Подходя к той самой палатке мороженого, я невольно содрогнулась – искорёженное «нечто» отдалённо напоминало будку сладостей. По счастливой случайности продавщица вышла на пятиминутку, когда не справившийся с управлением «Камаз» влетел в «Мороженое». В то самое место, где

десять минут назад Ульрих поедал пломбир.

Итак, почему возникла проблема с моим ЖКТ беспричинно в понедельник, чтобы я опоздала к управляющему... и вместо встречи – появился труп? И зачем в пятницу я должна была увидеть Ульриха при поглощении мороженого? Если бы он пришёл на считанные минуты позже, это стоило бы ему жизни.

Глава 3

Выходные я провела на даче Наташи – спала, дышала сосновым воздухом, думала о далёком озере, ела шашлык, болтала обо всём и ни о чём конкретно. Случайно возникла тема – наши воспоминания о юности и о мужчинах, в которых мы влюблялись.

На крепкой дружбе наши симпатии никогда не отражались язвительными уколами, потому что мы предпочитали разные типажи. Наташке нравились стройные, даже худощавые, с впалыми животами, живыми глазами, с хрипотцой в голосе, вечно ищущие не зная чего, с нервным подёргиванием тонких пальцев – в общем, типичные Раскольниковы в исполнении Тараторкина.

Моё же воображение всегда поглощали мужчины-глыбы. Основательные, представительные, несуетливые, знающие цену всему, что попадало в их поле зрения, в общем, хищники. Я не чувствовала себя жертвой, у меня просыпался азарт.

Говоря о юности, мы вспомнили мою первую чистую любовь – Александра. На момент нашего знакомства ему было восемнадцать, он ещё не успел обрасти *глыбой глобальности* и визуальной неприступности, но мощь мужского статуса уже жила в нём, привлекая и дразня меня, как запах для

гончей.

Наши пути разошлись, когда он ушёл в армию, а я только закончила школу. Не видя его взрослым, я была уверена в его «глыбости»...

В каждой *глобальной глыбе* живёт нежный, чуткий, ранимый мальчик. Найти его внутри, завлечь и раскрыть душевного мальчишку – задача не из простых, но именно это меня всегда привлекало.

Я упивалась незримой властью, управлением их эмоциями, настроениями, желаниями, которыми я начинала обладать в их душах. И что никогда не использовала в корыстных целях. Потому, даже спустя сколько-то лет, случайно встретившись с некоторыми из бывших, мы искренне радовались друг другу.

...

На мой рабочий стол за полчаса до предполагаемого перерыва на обед Ульрих положил симпатичную коробочку с розовым бантиком – конфетки ручной работы с низкокалорийной вкуснятиной внутри.

Повод? Мой седьмой рабочий день!

Мило... Пришлось предложить пообедать вместе. Я угадала его намёк. В общем, я иногда умею проследить не свои мысли, если сильно напрягусь, но редко... Конечно, фокуса в расшифровке его намёка никакого не было, здесь даже интуиция улыбалась, отдыхая.

Ульрих знал причины, по которым хотел пообедать со мной, теперь оставалось узнать и мне его намерения.

Как неторопливо, изысканно он ел салат с огромными неудобными листьями. В памяти наперекор возникла картинка «пожирания мороженого». Он так же изящно мог тогда съесть и мороженое, но почему взгляд волчонка и заглядывание кусков с гарантией подавиться.

Мы возвращались с обеда. На глаза попалась шоколадная вывеска.

– Здесь самые вкусные конфеты? – спросила я.

– И самые услужливые продавщицы, – улыбнулся Ульрих, как бы невзначай коснувшись моего плеча.

Я старалась отключаться от расшифровки возникающих вибраций, если была не одна. Потому, почувствовав толчок изнутри, я подавила его, даже не рассматривая.

Но в туалете, закрывшись в кабинке, я восстановила импульсный посыл – Ульрих выбирал подарок для меня.

До встречи с клиентом он решил купить конфетки, для чего вышел на те счастливые минуты раньше предполагаемого перерыва.

Причина его продолжения в этой жизни – я (!) и желание понравиться выбранным продуманным подарком... и, кстати, вкусным...

...

Но я продолжаю топтаться на месте, ведь моя цель – дневник, который не дальше и не ближе.

Я вновь пустилась по следу.

«Гончая» – неплохое прозвище, данное мне «в сердцах» простодушным парнем из глубинки на окраине чудесного озера, когда он нашёл меня, окровавленную, в лесу после сопротивления кабану, когда я в беспамятстве продолжала ползти, приговаривая – «след», «след», «след»...

Гончая отличается выносливостью, острым восприятием, хорошей обучаемостью, высокой скоростью бега и навыками быстрой коммуникации.

Подобные способности стали проявляться в моём теле и сознании после предательства Романа и внезапной смерти мамы. Появилась жёсткость, процент сердобольности снизился вполовину.

Вечно сочувствующая даже киношным персонажам, переживая их жизнь, как собственную, я стеснялась слёзных приступов, размазывая следы по щекам. Как давно, будто в другой жизни это было.

Я, видимо, выплакала весь запас, на смену которому вылезал некоторый сарказм при оценке происходящего. Но я по-прежнему до судорог в мышцах могла воспринимать чу-

жую непритворную боль.

Глава 4

Маршрутка была полупустой. Зачем я здесь?

Отпустив мысли, я плыла в облачном состоянии, когда резко в висок будто долбанул дятел. Опа! Началось! Я напряжила мышцы ног, слегка привстав над сидением, тело подсказывало само. За окном мужчина в кепке бежал наперерез маршрутке. Водитель резко остановился. Попутчик запрыгнул в салон. От него пахло страхом...

Он ёрзал, поправляя кепку, поднимал падающий воротничок куртки, руки его дрожали, на костяшках правой руки – тёмные пятна запёкшейся крови.

Мои напряженные мышцы начинали побаливать, но сесть не позволяли. Как пружина, я была наготове.

Его мысли, сталкиваясь в голове, говорили на двух языках – смесь русского и... возможно, казахского, хотя мужчина был славянской внешности.

На остановке я вышла за ним. Не владея никакими боевыми искусствами, и понимала, что шанс скрутить его у меня минимальный, если только рядом не окажется помощника.

Неизвестный явно пребывал в поиске, блуждая между домами, он, наконец, нашел, что искал. Магазин.

Пряча правую руку с кровоподтёками в карман, он купил

бутылку водки. И тут я замерла.

Дальше не было смысла идти за ним, он решил свой выбор в сторону небытия. Через полчаса здесь будут вызванная скорая, полиция, возможные очевидцы. Но от трупа уже ничего не узнать.

В подворотне он засыпал кристаллический порошок в бутылку и, разболтав, смертельным вихрем влил в свою глотку. Через минуту он осел, привалившись к стене. Всё...

Я не видела сцены самоубийства, но именно так он свёл счёты с жизнью, вернее, исполнил приказ... Я бы не смогла остановить его даже посредством всей своей разбуженной энергии. Оставалось узнать, чей это был приказ.

ТВ-новости. Чрезвычайное происшествие. Вот оно! Запомнив адрес, я рванула в Камергерский переулок. Вдоль Академии живописи, мимо кафешки, я застряла на углу с Большой Дмитровкой. Оцепление было снято давно, обычное место, прохожие в суете дня...

Нет! Он не был здесь. По описаниям очевидцев – мужчина славянской внешности, кепка, куртка – всё схоже, но того, кто ехал в маршрутке, здесь не было.

Блуждая по центру, я обогнула Большой театр, дошла до Кузнецкого моста. Около метро столпотворение запахов. Но даже среди тысячи витающих в воздухе частиц я почув-

ствовала резко негативную эмоциональную окраску. Запах его страха. Он был здесь и бежал отсюда... Мне не нужно было идти по следу, неплохо зная Москву, я была уверена, какими улицами и переулками он шел, чтобы наши пути пересеклись в маршрутке.

Но почему место происшествия не было зафиксировано органами правопорядка? Через интернет я прошуршала последние криминальные новости – ничего... В недоумении я возвращалась домой.

Утро следующего дня начиналось одинаково с предыдущим, с единственной разницей – сегодня мне на работу.

Закрывая входную дверь, я почувствовала внутренний толчок. На экране моего телефона завибрировала страничка новостей – новое убийство у метро «Кузнецкий мост», убийца скрылся.

Ноги, не желая подчиняться, подкашивались. Падать в обморок среди улицы неприлично, надо передохнуть в тишине, но тем не менее я, минуя работу, неслась к остановке той самой маршрутки, в которой вчера встретила с запахом страха смерти...

Знакомый водитель угрюмо утверждал, что вчера была не его смена, потом, наклонившись к моему лицу, прошептал: «Бухал целый день». По сивушному перегару это было правдой. Что происходит?

В моем сознании не было предчувствительности – я не умела чувствовать ситуацию до её возникновения. Я пробежала импульсами по телу – кроме лёгкого головокружения ничего не было.

И тут я досадливо вспомнила, что подобное ощущение невесомости приходит или просыпается в моей голове и теле, когда моё подсознание начинает любовную игру, ещё не согласуя свои желания с разумом на ментальном уровне инстинктов.

Через пару дней или неделю я отреагирую на подобное состояние лёгкости, но... Как я пропустила такое?

Сконцентрировавшись, я вытащила картинку из своего нутра – Ульрих.

Здрасьте, приехали... Он тут при чём? Просто приятный мужчина, коих в Москве тысячи... Так, хватит ругаться с метафизикой и тонкими телами – надо усилием воли отодвинуть это охмурение на неопределенный срок. Сейчас главное – дело. То есть, благодаря зародышу моего подсознательного желания понравиться Ульриху, в моём теле возникло НЕЧТО, что позволило мне прожить ситуацию, которой ещё не было. Фантастика!

Предупредив Наташку, что приболела, я стала ждать посадки в маршрутку. Маршрутка отправлялась через пять ми-

нут, как объявил угрюмый водитель.

Я остолбенела от собственных мыслей – зачем я собираюсь ехать, я уже знаю, что будет дальше... Я помчалась с остановки, прислушиваясь к собственным вибрациям, которые через несколько минут привели меня к жилому дому.

Я вбежала в арку, где буквально столкнулась с ходячим моим вчерашним трупом. Надвинув кепку на глаза, он спешил прочь. Я проследовала вперед. Захлопнулась дверца Ford Explorer. Номер.

Оставалось узнать, кто владелец машины, с которым пару секунд назад говорил убийца, уже совершив акт насилия. Похоже, после инструктажа кепкообразный сведёт счёты с жизнью.

Моя уверенность симпатично улыбалась – я нашла заказчика, точнее, почти нашла.

Если разложить события по полочкам, то убийства в Камергерском и на Кузнецком – братья-близнецы. Убийцы оба славяне, в кепках, одинаковых куртках. Не удивлюсь, если скоро найдут труп первого исполнителя с Камергерского без признаков борьбы под версией «самоубийство» да с похожей бутылкой водки в остывшей руке.

Не рассматривая суицидных, я откопала информацию о жертвах.

Служащий и автослесарь – что их могло объединять, если

они нашли одинаковую смерть?

Глава 5

После обеда я пришла на рабочее место. И поймала немой вопрос в Наташкиных глазах.

– А я нашла в себе силы прийти, ведь отчет за меня никто делать не будет, – смущенно, покашливая для правды, просипела я.

В юридической фирме найти базу данных машин особого труда не составляет – Новокосин Юрий Петрович, владелец «Форда», шестьдесят три года, зарегистрирован в Московской области.

Пока я секретничала в компьютере, мое тонкое, в смысле эфирное, тело слегка ойкнуло. Я с трудом оторвала взгляд от монитора и упёрлась им в лицо улыбающегося Ульриха.

Первым порывом было желание захлопнуть крышку ноутбука, но тем самым я спровоцировала бы интерес. Я просто улыбнулась в ответ. Он молча положил на край моего стола конвертик с нарисованными в хаотичном порядке ромашками.

(Он явно готовился, узнав про мои любимые цветы. Что же хочет от меня загадочный, с разными масками для разных ситуаций, Ульрих, он же Антон?)

Не дотрагиваясь до конверта, я знала, что там пара би-

летов куда-нибудь в труднодоступное для простых смертных место, чтобы шокировать симпатичную провинциалку, по слухам, жившую неопределенный срок на окраине озера в глухой тайге. Значит, Наташка не болтала, что я коренная москвичка, молодчина. Что ж, поиграем.

Я кокетливо открыла конверт, в котором были два билета на единственный концерт Венского симфонического. Я захлопала ресницами, подтверждая ожидаемую им реакцию. Не снимая улыбок с лиц, мы кивнули друг другу.

Таким образом, завтрашний вечер у меня занят. Ну, не кидать же его в расстроенных чувствах. Хотя, мужчины типа Ульриха не расстраиваются из-за пустяков, отказ только подхлестнёт его намерения. Кстати, о намерениях. В зале я смогу почувствовать его изнутри.

Как я ошибалась. Даже обнаглев и просунув свою руку в его, я мысленно упёрлась в стену его закрытости. Он не знает обо мне то, чего не знает никто, а значит, ему незачем защищаться, прятать свой внутренний мир от меня. Вспомнился волчонок, пожирающий мороженое. Я, видимо, слишком самоуверенна.

Его маска была с бронежилетом по самые пятки. Мне захотелось укусить его, чтобы в первые секунды внезапности он раскрылся хоть на мгновение. Но я не поддавалась соблазну, а завершала этот вечер приветливо, наигранно, кокетливо, изображая восторженную простушечку, допущенную к ко-

ролевской персоне.

Ульрих улыбался и рассыпался в комплиментах.

Играемая мной пьеса подходила к концу, мы приближались к подъезду.

Мгновение! Всего мгновение, но я чуть не хлопнула в ладоши от восторга, что сбывается. За секунду до промчавшейся мимо нас машины я знала, что он...

«Мерседес» пролетел по луже, обрызгав Ульриха до роскошных плеч. Конечно, он инстинктивно выгнул спину и приник на миг ко мне, стоящей специально столь близко. И в этот миг я почувствовала всю мощь его внутреннего пространства, он буквально захлестнул меня силой, окатив не хуже «Мерседеса». Только капли были хрустально-прозрачными, не чета луже.

«Ого!» – успело промелькнуть в моей голове, когда мощная завеса вновь упала между нами. «Интересно, он сам знает, что у него внутри, не касаясь анатомических подробностей?».

Надо подумать об этом позже, иначе сводит скулы от расползающейся мимики.

– Отличный вечер, спасибо... Жаль, костюм твой испорчен...

Внезапно, помимо желания, я прочитала его мысли – «Это повод подняться к тебе?»

Чтобы унять его пыл, я скороговоркой добавила:

– Химчистка – лучшее средство для чистки, – и рассмеялась.

Я кружилась по квартире, вечер удался, потому что раскрывать мужчин – моё излюбленное занятие, хотя Ульрих слишком закрытая глыба. Надо почитать что-нибудь по скульптуре, например, Микеланджело, как отсекал от камня всё лишнее.

Глава 6

Дело об убийстве нашего управляющего, на приём к которому я не попала ввиду обострения в желудочно-кишечном тракте, завершилось странным образом.

По слухам от вездесущих коллег, дело закрыли. Итог – убийство совершено на бытовой почве, то бишь – ревностная разборка оскорблённого и разгневанного мужа. Прimitивная измена.

«Понюхав», образно выражаясь, воздушное пространство, я согласилась с версией следствия, хотя нюансы были несколько пикантными.

Рогоносец знал о связи жены на стороне задолго до разыгравшейся трагедии. Почему он захотел окончить жизнь счастливого кандидата именно в тот день, предрешив и собственную участь – мне было непонятно. Но влезать в чужой шкаф со скелетами я не стала. Убийца найден, дело закрыто.

Остался осадок. По крайней мере, у меня точно... И вопрос – зачем мой организм держал меня дома столько времени, сколько понадобилось этому горемыке для совершения акта возмездия.

На повестке дня – поиски бабушкиного дневника, что является целью моего возвращения в Москву, и встреча с Юри-

ем Петровичем Новокосиным.

Дела делами, но мысли мои блуждали вокруг магнетического облика Ульриха. Стараясь не выдавать свою заинтересованность, я частенько проходила мимо его кабинета со стеклянной стеной в совершенно рабочем настроении. Он видел меня то с кипой бумаг в сосредоточенном состоянии контроля над собственными шпильками, то с телефоном в диалоге по фундаментальному вопросу юридической поддержки, то мило кокетничающую с иными представителями сильного пола человечества.

Чуть-чуть, по чуть-чуть вызывать ревность – полезно для обеих сторон.

В этот вечер, сотый раз сканируя свою жилплощадь на предмет местоположения дневника, уставшая от поиска, но согретая от собственных горячих рук, я завалилась в кровать.

При скане руки сильно нагревались, я не пробовала варить яйца в ладошках, но легкий ожог однажды оставила на своей ноге.

Тишина. Где-то в чужой квартире, по звукам, передвигали мебель на ночь глядя. Что ж, у каждого свой способ организовать досуг. Я прикрыла глаза, призывая расслабление.

Внезапно из темноты яркой вспышкой пронеслось что-то объёмное, ударив в хрусталик. Ух! Я мгновенно очнулась. Осторожно повторила попытку расслабиться, и вновь полу-

чила мощный импульс-удар. «Призыв!» – пронеслось в голове.

Кто-то пытался меня спровоцировать? Подобные вспышки возникали дважды во мне и связаны были не с лучшими моментами жизни.

Мозг отдавал короткие приказы – кроссовки, ветровку, кепку, волосы в хвост, кошелёк. Но как только я просунула ногу в кроссовку, вместо бантика мои руки сделали чудовищный узел. Стоп! Руки не подчинялись команде, а плыли в собственном направлении.

Влюбленность в Ульриха мешала мне контролировать свою энергию, я будто расползалась на части, где каждая творила, что хотела – голова экипировала меня в подростка, руки мешали надеть удобную обувь, а вкус так вообще дурил – захотелось шампанского! Я села на пол, обдумывая собственное состояние.

Нет! Ульриху я звонить не стану, это глупо, но на улицу я выйти должна...

Виски пронзила чудовищная боль, я скорчилась, хватаясь за голову. Непонятная реакция моего организма мгновенно прошла, когда ясной мыслью возникло видение. Его рука. Экран телефона. Звонок.

Мой аппаратик связи вибрировал на столике.

– Яна, добрый вечер, прости, если помешал... даже не мо-

гу объяснить свой неприличный поздний звонок...

Это я спровоцировала! Супер! Было больно, но главное – результат! Определенно, от моей влюблённости иногда есть толк.

– Всё в порядке, Антон. Я с удовольствием бы прогулялась.

– Набережная или кафе с шампанским?

(Он просто душка... или я почти волшебница).

– Шампанское на набережной...

Вечернего платья я не надела, но босоножки с лёгким са-
рафанчиком под джинсовой курточкой – самое то.

Сегодня Ульрих был слегка приоткрыт. Мы вспоминали каждый о своём детстве, о забавных привычках. Я ощущала его искренность, но, желая самолично, без разрешённого доступа пролезть в его суть глубже, вновь наткнулась на стену. Но в этот раз стена вибрировала, а это уже начало пути к моему познанию.

Тёмная вода, с бликами отражающихся фонарей с набережной, плыла неслышно. Мы забрели в окружённое липами пространство – идеальное место для поцелуев или хотя бы первого.

Он неожиданно схватил мою руку, притянул к себе и про-

сто прижался губами к моему удивлённо открытому рту. Он то ли угадал мое желание, то ли исполнил его.

Исполнение – это подчинение чужому приказу, а угадать – значит, пожелать того же самого. Стало немного грустно – мне не хотелось, чтобы он исполнял только мою волю, бессознательно подчиняясь мне...

Требовательный звонок в его кармане. Мама. Я впервые видела его растерянность. Самоуверенность улетучилась, когда он колебался. Я пришла на помощь:

– Всё хорошо. Мама – важнее всего на свете. Я превосходно доберусь сама. Вот, смотри, я уже вызываю такси...

Он практически спиной дошел до машины, прощаясь взглядом.

Я сбросила вызов такси, желая продолжения прогулки.

От липовых деревьев на Шевченко я перешла Багратионов мост и оказалась на Краснопресненской. Набережная в столь поздний час была пуста, хотя и днем здесь немного гуляющих.

Со стороны Делового центра через шлагбаум выехала машина. Проехав несколько метров, встала вдоль набережной.

Внутри меня пошла вибрация. Мужчина вышел с водительского места, не закрывая дверцу, медленно, пошатываясь, обошёл машину и облокотился на перила.

Бежать мне метров триста, сейчас быгодились те са-

мые кроссовки, оставленные дома. Сняв босоножки, я рванула к нему.

Похоже, пора приобретать проблесковый маячок и носить его в сумочке, вытаскивая на свет по необходимости. Я, как реанимационный автомобиль, неслась на помощь. Вновь сердечный приступ.

Ух! Откачались.

Мужчина восстанавливал дыхание. Уголки рта чуть подёргиваются. Молодец какой – даже улыбку пытается изобразить на лице. Я усадила его на кем-то заботливо оставленный чурбачок, видимо, рыбацкое приспособление для удобства ловли бычков из Москвы-реки.

Я тоже успокаивалась, начиная воспринимать пространство.

И от неожиданности ойкнула вслух.

Передо мной на дороге стоял красавец Ford Explorer с госномером, зарегистрированным на Новокосина Юрия Петровича.

Я покосилась на возможного Новокосина – прямо игра слов.

– Лучше скорую вызвать, – произнесла я, не слыша своего голоса.

– Нет, не надо... позвоните моему сыну, он врач. Номер в телефоне – последний вызов.

Через пятнадцать минут подкатил огромный «Лексус».

– Отец, ты как?

Ну, всё... мне пора... Что-то я устала сегодня не на шутку...

Оттолкнувшись от парапета, я уткнулась в пролетающее воздушное течение и зависла, словно птица, поймав воздушный поток, в котором можно дрейфовать, не напрягаясь. Стало тепло и приятно. Что это? Чей насыщенный дух обнимает меня? Я закрыла глаза и парила... Голос из ниоткуда вернул меня в реальность.

– Надеюсь, вам помощь не требуется?

Я неохотно вышла из поточного транса.

– Нет, всё хорошо...

– Спасибо вам, волшебница, что оказались рядом.

Я кивнула, очнувшись окончательно, и посмотрела на собеседника.

В моем любимом мультике про крысенка, умеющего готовить парижские изыски, один из кадров мгновенно возвращает жёсткого и категоричного критика Эго в шмыгающего носом мальчишку с разбитой коленкой – беззащитного и тихого... И я, как на резинке, пущенной на скорости, промчалась сквозь коридор времени в восемнадцать лет назад.

Расширенными от удивления глазами я пялилась на улыбающегося мужчину. ... Немая сцена. Герои в шоке.

Третий час ночи, 165 минут бесконечного жонглирования словами. Мы перебрасывались воспоминаниями и заполняли пропуски нашего долгого необщения событиями из личной жизни.

Моя усталость будто испарилась. Если бы стартовый пистолет призвал меня пробежать стометровку, я бы пробежала даже марафон сорок два километра, не задумываясь, с новым мировым достижением.

Наконец, мы внезапно замолчали оба, продолжая рассматривать повзрослевшие лица друг друга.

«Он стал настоящей глыбой, я не ошиблась тогда, невзирая на его юный возраст».

Он улыбнулся, будто в ответ на мои мысли, и позволил прочитать свои.

«Ты изменилась, вместо девочки – притягательная, манящая содержательность».

Меня с комфортом доставили домой под утро. Соловьи пели в моей душе, чувство необъятных возможностей наполнило меня.

Александр. Мальчишка, ушедший в армию, мой первый возлюбленный в границах долгих поцелуев, оставшийся на пороге моей взрослой жизни. И вот он возник в настоя-

щем спустя много-много лет случайным провидением.

(Как я ошибалась тогда... ничего случайного не бывает)...

Тот вечер казался сказкой – первый поцелуй Ульриха и встреча с первой любовью. Два свидания.

Забавно, в начале каждого свидания прозвучало слово «волшебница» – первый раз мой комплимент самой себе, второй раз от Алекса (язык не поворачивался назвать его Сашей).

Совпадение? Или я копаюсь в простых вещах, придумывая им глубинный смысл?

Глава 7

По большому счету, я не знала ни Ульриха, ни Алекса. Счастливая влюбленность, конечно, окрашивает все воспоминания только в радостные оттенки, но каким стал взрослый Александр – я не знала, лишь чувствовала, как в его присутствии пропадала усталость, возникала неуёмная жажда что-нибудь совершать, творить (где-то даже на грани зашкаливающей энергии с нотками агрессии). С Антоном наоборот – хотелось нежности, умиротворения... хотя на подвиги тоже тянуло, но в этой тяге не было жёсткости и желания напасть.

Стоп! Я опять отвлекаюсь. Моя промежуточная цель найдена. Это – Новокосин Юрий Петрович, который теперь оказался отцом Александра... Вот чертовщина какая... И что с этим делать?

Я точно знала, что мужчина с сердечным приступом – Юрий Петрович. Когда я бегала в машину за барсеткой, чтобы набрать телефон сына, паспорт лежал там же. Фото и данные я «срисовала» в момент.

...

Проблесковый маячок с утра вёл себя странно. Возникал порыв сорваться с места, но только я хватала ключи от квартиры – импульс пропадал. От подобной игры «беги-стой» – я почувствовала усталость. Ни стёны, ни металлический лифт

не могли заглушить поток призыва о помощи, только моё собственное нежелание. А моё нежелание обретало депрессивность.

В голове вторые сутки крутилась фраза Алекса: «Ты вошла в мою жизнь, чтобы остаться навсегда». Двусмысленное восприятие – «остаться навсегда» – значит, быть вместе, быть парой... и «остаться навсегда» – в его памяти, в его мечтах, снах, но не в бытовом контексте...

Что за ерунда лезет мне в голову? Пора на озеро в тайгу. Там мысли обретают равновесие.

...

Утро работы отправило меня в незапланированную командировку в Калужскую область.

Когда меня загоняют в угол непредвиденные ситуации или нелепые указания, я начинаю защищаться. С обстоятельствами справляюсь физически – преодолеваю, а с людьми обычно психологически – одолеваю, но сейчас захотелось применить силу и надавать начальнику по трехдневной щетине.

Что-то в этом городке не так – и не огромных размеров спутниковая тарелка (похоже, для общения с космосом), и не отчужденные лица окружающих, и не моя бессонница накануне – в воздухе скапливалась неприятная атмосфера панического страха. На улице плюс 21, я же покрывалась мурашками от пронзающего холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.